

Агата Астровская

Исповедь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Агата Астровская

Исповедь

<https://litres.ru/74096296>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы верите в настоящую любовь?

Если да, вы уверены? Уверены, что сможете пройти все тяготы первой подростковой любви и привязанности? Сможете ли жить без человека, который причинял вам неизмеримую боль, но вы продолжаете его любить?

Если вы ответили да на все вопросы - поздравляю, вы и правда верите.

Готовьтесь к эмоциональным качелям, они обеспечены.

Вам будет больно, больно от осознания всего, что происходит рядом, но ждёт ли нас счастливый конец?

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	45
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Агата Астровская

Исповедь

Исповедь

Агата Астровская

Оглавление

Предисловие

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35

Заключение

Благодарность

Предисловие

Эту книгу я писала не для тебя.

Я писала её для нас. Для той версии тебя, которая существовала в моей голове. Для той версии нас, которая могла бы быть, если бы ты не сломал меня. Для того времени, когда я ещё верила, что любовь — это не боль, не тишина в ответ на мои слёзы, не проверки телефона, не измены, которые ты называл «не великими».

Ты стал для меня вселенной. Ты крутился и крутишься у меня в голове каждый день, каждый час, каждую минуту. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, я чувствую тебя рядом. Слышу твой голос в шуме ветра. Вижу твои глаза в темноте. И это самое страшное — потому что тебя нет. Потому что ты ушёл. Потому что ты оставил меня с той пустотой, которую сам же и создал.

Я не смогла написать много, хотя, возможно, у меня есть дар. Но каждое слово давалось мне через боль. Это было как вытаскивать осколки из собственного сердца — по одному, с кровью, с дрожью в руках, с чувством, что я теряю себя на каждой странице. Я перечитывала написанное и задыхалась. Я возвращалась к тем дням, когда мы были счастливы, и не могла дышать. Я возвращалась к тем дням, когда ты был хо-

лоден, и снова умирала.

Я не знаю, прочитаешь ли ты это до конца. Я не знаю, хочешь ли ты знать, что я чувствовала. Я не знаю, важно ли тебе вообще что-то из того, что я пишу. Но я прошу — прочти. Это моя последняя просьба. Не для того, чтобы ты вернулся. Не для того, чтобы ты пожалел. Не для того, чтобы ты снова сделал вид, что ничего не было.

А для того, чтобы ты знал: я любила тебя по-настоящему. Так, как ты не умел любить. Так, как ты, возможно, никогда не полюбишь. Книга написана и правда плохо, ибо опыта не было совсем, но я написала так, как смогла, пересилила боль и вынесла на бумагу. Здесь все, что осталось в моей памяти, все, что я могла рассказать.

Я пишу это не для тебя. Я пишу это для нас. Для того, что мы могли бы быть. Для того, что мы потеряли. Для того, что я пытаюсь отпустить, но не могу.

Это — моя исповедь. Моя последняя глава о нас.

Прочти. Просто прочти.

Помните! Я не редактор, да и не писатель.

Пролог

Здравствуйте.

Вы меня не знаете.

И мою историю — тоже.

Не уверена, что вы готовы к тому, что вас ждёт.

Я не из тех, кто влюбляется часто.

Да что там — почти никогда.

Жизнь у меня обычная: семья, всё на своих местах.

Особых травм детства нет — хотя сейчас это вроде как модно?

Если ответ «да» — ну, есть одна проблема: гиперопека.

Но в целом всё вполне себе:

художка, музыкалка, школа, плохая компания.

И наконец — первая любовь.

Не думаю, что кто-то удивится:

в моей жизни и правда долго не происходило ничего интересного.

До некоторых событий.

Мне восемнадцать.

Внешность почти не изменилась.

А хотя... всё же.

Те же крашенные блондинистые волосы,
большие глаза, очки и худощавое телосложение.

Комплексы с детства.

Иногда грубость, иногда смирение.

Эта история — не только обо мне.

Но и о людях, которые меня окружали.

С некоторыми из них вы ещё успеете познакомиться ближе.

Помните!

Это не только история любви.

Это история пытки, которая вскоре кончится.

Если вы всё же решите читать дальше — готовьтесь.

Эмоциональные качели гарантированы.

И только не говорите, что вас не предупреждали.

Глава 1

Недавно я перешла в десятый класс. И боже мой — это было волнительно. Кажется, что ты вдруг повзрослел, начинаешь многое осмысливать, скрываешь подростковые переживания, чтобы не тревожить родителей. Новые люди, новые ощущения.

Сентябрь выдался тревожным: солнце ещё светило полетному, но ветер уже срывал первые жёлтые листья и бросал их под ноги. По дороге в школу я смотрела на свои кроссовки и чувствовала, как внутри поднимается волна — то ли страха, то ли предвкушения. Воздух пах яблоками и уходящим теплом. В свои четырнадцать я была ещё той «плохишкой». Не слушала родителей, проводила время в компании, которая тогда казалась мне хорошей, а на деле — не очень. Если вы, конечно, не считаете, что курение, выпивка и тусовки — это очень круто. Набравшись хоть какого-то опыта и осмыслив свои поступки, я поняла: жизнь должна строиться иначе.

Так встречайте — десятый класс. Всё начиналось как в дешёвой подростковой мелодраме: знакомство с новыми одноклассниками, привыкание к тому, что рядом нет моих лучших друзей — Маши и Кати.

Маша, или как я её называю, Мария Николаевна, перешла к нам в восьмом. И каким-то образом мы сразу поймали коннект, который впоследствии перерос в крепкую дружбу. По правде говоря, мы выросли вместе: пили, говорили по душам, даже устроились на одну работу летом. Она очень красивая: высокий рост — около ста семидесяти пяти сантиметров, длинные светлые волосы, которые с возрастом стали чуть темнее и приобрели тёплый медовый оттенок, большая грудь и янтарно-голубые глаза. В них было что-то одновременно дерзкое и печальное, как у девчонки с обложки, которая уже всё повидала. Для многих она была эталоном привлекательности.

После девятого класса Маша решила связать жизнь с кинематографией. Я никогда не видела её такой счастливой — будто профессия вдохнула в неё новую жизнь. Она с детства увлечена животными, особенно собаками. Здесь надо отдать должное её отцу: это он воспитал в ней такую любовь к четвероногим друзьям. Теперь она учится в техникуме, который находится, правда, за тридевять земель. Ладно, это шутка — всё не так плохо. Но если подумать: разве каждый из вас готов к ежедневным поездкам на другой конец города? Мне бы не позволила лень. Хоть я и переживаю за её нагрузки, всё равно рада за неё. Найти дело по душе — трудно. Есть столько творческих людей, которым быстро надоедает их сфера деятельности. Может, и по этой причине я осталась в деся-

том — просто не знаю, с чем связать свою жизнь.

Личная жизнь Маши достойна поэм и трактатов. Вместе с ней я переживала и сладость, и горечь подростковых отношений. Но об этом позже.

Катя — человек, с которым мы дружим с седьмого класса. Она высокая, около ста семидесяти семи сантиметров. Волосы сейчас под каре, тёмно-каштановые, с медным отливом на солнце. Глаза — ярко-зелёные, как у кошки, которая наблюдает за тобой из темноты. В них всегда спокойствие и немного насмешки. Для некоторых она может показаться «пацанкой», но, узнав её поближе, понимаешь: это чистая форма, исключительная броня, за которой прячется маленькая девочка, ищущая опору и преданность в людях. Личная жизнь Катя скудна: за семнадцать лет был один парень. И я иногда задаюсь вопросом — это был прикол или правда? В любом случае Катя относится к отношениям серьёзно, за что нельзя её не похвалить. В наше время «пикмух» и прочих странных персонажей, это редкость. Катя очень целеустремлённая, на неё всегда можно положиться. Я часто восхищаюсь этой чертой: что бы она ни попросила — сделает, даже под дедлайном. Она всегда казалась мне человеком, в жизни которого есть место машинам и песням Фараона. Вот такая она в моей памяти.

Катя решила идти в десятый. Думаю, из высшего образования — она собирается в Питер после окончания школы. Я

очень восхищаюсь, ведь у меня гиперчувствительность к переменам, тем более таким глобальным. Думаю, что я бы никогда не смогла так поспешно сжечь мосты и уехать в незнакомые города. На самом деле мы с Лизой противоположности. Хотя бы в предметах: она учится в классе технарей, а я — человек искусства и поэзии, гуманитарий.

Когда я пришла в десятый, у меня случилось несколько срывов — прямо на уроках. Неконтролируемый заряд горя и тревоги в одном флаконе. Перемены для меня — ужас вселенского масштаба. Несколько дней я находилась в некоем коконе, осознавая свою жизнь. Хоть Катя и была в параллельном классе, а Маша всегда на связи, мне было одиноко. За все годы, что они были рядом, я забыла, что значит слово «одиночество».

Один срыв случился на первом уроке английского. За окном моросил мелкий дождь, и капли разбивались о стекло, словно кто-то плакал вместе со мной.

Учительница — Елена Константиновна — вошла в класс тихо, но её присутствие заполнило комнату мгновенно. Она была невысокой, с коротким каре, которое обрамляло её лицо, и пушистыми, слегка непослушными волосами, словно она только что сняла шапку — или специально создавала этот лёгкий творческий беспорядок. Её ресницы — длинные, густые, явно наращенные придавали взгляду неестественную, почти кукольную выразительность. Но глаза под

ними смотрели жёстко, без намёка на мягкость. Она носила строгие костюмы и платья ниже колена, а на шее всегда висела тонкая серебряная цепочка с маленькой подвеской в виде раскрытой книги. Голос у неё был низкий, чуть с хрипотцой, и когда она говорила, казалось, что она не объясняет, а выносит приговор.

— Здравствуйте, садитесь. — Она обвела класс долгим взглядом, задержавшись на каждой парте, словно проверяла, все ли на месте. — Начнём сразу с главного: дисциплина, подготовка к контрольным, экзамен в конце второго семестра. Никаких поблажек.

Я сидела на второй парте одна и слушала её требования, чувствуя, как внутри нарастает холод. Не скажу, что не испугалась — даже напротив, была в ужасе. До этого нас учил преподаватель, которому было почти всё равно на наш уровень знаний. А тут — такая Горгона.

Мой взгляд рассеянно бродил по классу и остановился на портрете Оскара Уайльда. Длинноволосый ирландец смотрел на меня с лёгкой грустью, его бледное лицо выделялось на тёмном фоне. Наши взгляды соприкоснулись, и я вдруг почувствовала долю понимания, почти сожаления. Он будто принимал мою боль. На одну секунду я опешила — мысленно общаюсь с куском картона? Но портрет не был просто картонкой. Он стал знаком силы. Сразу вспомнился «Дори-

ан Грей»: молодой человек, который хотел жить вечно и запечатлел свою душу в картине. Я бы не хотела такой судьбы, хоть у Дориана и была увлекательная жизнь — сплошные кутежи.

Пока я мечтала и вспоминала прозу Уайльда, по щекам незаметно покатались слёзы. В этом было что-то ностальгическое, болезненное, берущее за душу. Но не думаю, что кто-то из сидящих в классе понял мою истерику правильно.

— Лиза, ты слушаешь? — Голос Елены Константиновны прозвучал как удар хлыста.

Я подняла голову и встретилась с её кукольными глазами. Она смотрела строго, бровь чуть приподнята.

— Я напугала тебя? — спросила она, уже тише, но всё так же жёстко.

— Нет, всё хорошо, — выдавила я.

— Тогда продолжим, — отрезала учительница, ещё раз взглянув на мои мокрые от слёз глаза.

Несколько ребят обернулись и с недоумением вернулись к своим делам. Меня это даже повеселило: лучше, чем если бы они начали допытываться, что случилось. Неправда ли,

мне не нужно столько печали? И ведь никто от меня не отказывался — близкие были рядом, только теперь не за одной партой, не в паре сантиметров, а чуть дальше.

Вскоре всё пошло своим чередом, и тот срыв стал последним. словно та осенняя тоска вылилась вместе со слезами, и на смену ей пришло тупое, но спасительное «придётся жить дальше».

Хоть коллектив изменился, многих я всё же знала. Кто-то был из моего прошлого класса, кто-то с параллели, а кто-то совсем новенький. Не знаю, каким волшебством, но жизнь свела меня с одной из девочек — новенькой Миланой.

Не думайте, что я была одинока до встречи с ней. В классе были люди, с которыми я хотела общаться. Например, Варя: светлые карие глаза, мягкие и внимательные; средний рост, лёгкая полнота, которая делала её по-домашнему уютной, и милая улыбка, за которой скрывался лидер чистой воды. Она не «душнила» — она просто справедливая и честная. Варя чем-то схожа с Лизой: не внешне, а внутренне — те же лидерские замашки, преданность, умение говорить прямо. Хотя эти девушки отличаются, они очень добрые и ласковые, если узнать их чуть ближе.

С Варей мы вместе ходили в художественную школу с ранних лет. Хотя тогда мы и не общались, со временем открылись удивительные точки соприкосновения: увлечения сериалами, фильмами, вкусы в одежде и, конечно, талант к рисованию. В моей истории Варя заняла позицию слушателя и

поддержки — особенно в моменты, когда мне хотелось зарыть голову в песок и ждать конца света. Варя хочет пойти на врача. Возможно, это странно, но когда-то я тоже мечтала стать врачом — но в какой-то момент поняла, что не справлюсь с ответственностью. Поэтому я искренне восхищаюсь и буду восхищаться характером своей подруги.

Не думайте, что я осталась серой мышкой, как в дешёвых драмах. Я всё равно заводила знакомства и не пыталась строить из себя литературного гения, сидя на последней парте с синими кругами под глазами от недосыпа. Я не думала, что буду знакомиться с новенькими, но такова судьба: на дороге возникла новая загадка, которую мне ужасно захотелось разгадать.

Милана. В мою жизнь она влилась спокойно, будто заведомо имела ключ от моей замкнутой души. Брюнетка невысокого роста с курносим носиком и пронзительными, до мурашек, глазами — тёмными, как вишня, с длинными ресницами. В её взгляде было что-то кошачье: то прищур, то внезапная теплота. Говорила она тихо, но метко, и каждое слово будто ложилось точно туда, куда надо. Наша встреча будто была спроектирована — словно кто-то специально её придумал. По правде, я совсем не заметила нашего сближения: Милана словно сама собой влилась в мою историю, а я и не сопротивлялась. С первых дней учёбы в десятом классе она сидела рядом так спокойно, что остальное время, кото-

рое раньше казалось мне тревожным, стало комфортным и привычным.

Если вы подумали: «Вот, нашла себе замену», — вы грубо ошибаетесь. С ней стало намного комфортнее, но люди — они несравнимы. Вы тоже это поймёте. Просто нужно немного терпения.

Вы думали, история кончится на этих фигурах? Спешу разочаровать. В моей жизни появился ещё один немаловажный человек — чуть позже остальных. Его зовут Никита. Как я узнала, он учился на параллели со мной. Хотя это и странно, я никогда не замечала его в школьных коридорах, хотя мы с Лизой и Машей постоянно болтались на каждой перемене.

Никита — худощавый, с заметными скулами и короткой стрижкой. В нём было что-то несуетное, даже ленивое. Но глаза — до боли красивые, глубокие, голубые, как северное небо. Когда он смотрел на тебя, создавалось впечатление, что он видит чуть больше, чем ты хочешь показать. Впервые мы заговорили на одном из уроков. Тема была до слёз глупой: требования Елены Константиновны по английскому. Он молчал, я заговорила первой — сумбурно, слегка иронично. И как только он поднял на меня глаза, я поняла значение слова «интроверт». Никита не славился разговорчиво-

стью и любовью к душевным копаниям. Но тогда я не знала, насколько этот человек способен совместить в себе качества психолога, слушателя и хорошего друга, на которого можно положиться.

Так начинался мой десятый класс. За пазухой — близкие люди, новые друзья. За окном медленно умирала осень, уступая место первым заморозкам, а я чувствовала — это только начало.

И будущее обещало быть светлым.

Пока мне не поступило одно приглашение.

Глава 2

Помаленьку наступала зима. Я ждала этого кануна Нового года — той атмосферы праздника, когда даже сибирские морозы становятся сладостным моментом. Город постепенно накрывала шапка белого снега, и к утру он искрился так, что слепило глаза. Под ногами хрустел лёд, и каждый выдох превращался в маленькое облако пара, которое тут же таяло в холодном воздухе. Дороги стали скользкими, фонари по вечерам горели жёлтым, мягким светом, и казалось, что мир замер в ожидании чуда.

Осень проходила как обычно — скучно, но спокойно.

Однако это спокойствие нарушил один из моих новых одноклассников. Его звали Марк.

Худощавый, высокий, в очках, со светлыми волосами почти до плеч — он был довольно интересной личностью. Хорошо знал историю, жутко любил музыку и даже создал свою музыкальную группу, что меня искренне удивило. Мы начали общаться с глупой переписки — будто бы из-за вопроса по домашнему заданию, а потом просто так.

— Слушай, а ты поняла, что по алгебре задали? — написал он однажды вечером, когда за окном уже мела позёмка.

— Не совсем, — ответила я, хотя всё прекрасно поняла.

Так мы общались довольно долго, пока я не стала замечать его намёки в мою сторону. Он смотрел на меня на уроках так пристально, что я чувствовала этот взгляд спиной. Он хороший человек, но я никогда не воспринимала его больше чем друга. На фоне таких разногласий мы почти прекратили общение, хоть намёки поступали ежечасно, а его обычное хобби — «гляделки» на меня в школе — никуда не делось.

Будни шли как всегда: уроки, школьные сплетни, от которых иногда открывался рот. С Миланой мы часто рассуждали на тему её парня Максима, который вёл далеко не самый порядочный образ жизни. С Никитой обсуждали насущные вопросы и локальные шутки. С Машей же всё было веселее: диалоги о её новых одноклассниках, о новом посте старосты, к которому она ещё не могла привыкнуть.

Маша долгое время славилась некоей социофобией в школе, но теперь занимала почётное место старосты и стала компанейским человеком — что не могло не радовать. Лиза мгновенно влилась в коллектив, будто судьба решила наградить её комфортным социумом. Хоть многих из нас уже не связывали узы одного класса, мы всё равно оставались близкими.

На осенних каникулах мы встретились с Варей. Как ни странно, встреча вышла очень комфортной: мы съели целый торт, снимали тренды, обсуждали новых одноклассников и, конечно, посмотрели одну из моих любимых антиутопий. За окном шёл мелкий, колючий снег, а в комнате горели гирлянды, и казалось, что время остановилось. Осень прошла весело и спокойно.

Зима уже наступала. Я никак не могла предположить, что мне поступит интересное и даже заманчивое предложение от одного из учителей.

Ноябрь двадцать четвёртого года. Снова урок русского языка.

За окнами было серо и промозгло. Низкое небо давило на крыши, снег лежал серыми сугробами, и казалось, что сам воздух застыл в ожидании чего-то тяжёлого.

Я люблю литературу и пылаю к ней смиренной любовью, но того же не испытываю к нашему преподавателю — Елене Николаевне. Она мнит себя великим учителем, но если величие значит унижение, то я лучше застрелюсь. Пик наших отношений пришёлся на девятый класс, когда я по своей глупости решила сдавать литературу. Тогда я получила о себе много нелестных комментариев. Часто прокручивается в моей голове фрагмент: бездушные глаза, прикрытые вуалью накладных ресниц, смотрят на меня из-под тёмных оч-

ков со странной примесью ненависти и отвращения.

— Ты не сдашь, — сказала она тогда. Её голос был холоднее, чем февральский ветер. — И позоришь меня. Только причёсывай свои маслянистые волосы, покрытые точно снежинками перхотью.

Она говорила это медленно, смакуя каждое слово, и не отводила взгляда. Я сидела, боясь пошевелиться, и чувствовала, как внутри всё сжимается.

Сколько раз я пыталась переубедить её — попытки были тщетны. Но близился экзамен. Не каждый примет близко к сердцу упрёки, но я была исключением: мне было больно от каждого слова. Слово каждое кололо меня иглой, как Принцессу Аврору.

— Вы меня не знаете, — прошептала я однажды, но она услышала.

— Что ты сказала? — Её бровь взлетела вверх, ресницы дрогнули.

— Ничего, — ответила я и опустила глаза.

После результатов экзамена Елена Николаевна сменила

ненависть на милость. Не думаю, что она ожидала от меня написания экзамена на максимальный балл. Но реальность такова: этот экзамен открыл для меня обуздание новых черт её характера — доброту и ласку. Хотя, возможно, это стоит называть лицемерием. В тот момент мне было всё равно: я доказала не только ей, но и себе, что значу хотя бы крупицу в мире необузданной и порой интимной литературы.

В один из обычных пасмурных дней, когда за окнами мела позёмка и снежные вихри кружились у самой земли, Елена Николаевна вызвала меня на разговор. Я не думала, что в этом разговоре меня будут наказывать. Напротив — входила в её кабинет с интересом, неким азартом.

В кабинете пахло старыми книгами и пыльными жалюзями. На столе горела настольная лампа, бросая жёлтый круг света на стопку тетрадей. Елена Николаевна сидела прямо, сложив руки перед собой. Её накладные ресницы отбрасывали тени на щёки, и от этого взгляд казался ещё более пронзительным.

— Елена Николаевна, вы хотели меня видеть? — спросила я, остановившись у порога.

— Да, Лиза, заходи. — Её голос был ровным, почти приветливым. Она указала на стул напротив. — Садись.

Я села, не зная, куда деть руки.

— Сейчас у нас будут проходить олимпиады, — продолжила она, не отводя глаз. — Я намерена отправить тебя на литературу.

Она сделала паузу, будто ждала моей реакции. В кабинете было тихо — только часы на стене мерно тикали, отсчитывая секунды.

— Что думаешь? — спросила она, чуть приподняв бровь.

Олимпиада показалась мне интересным предложением. Это хоть немного скрасило бы мои серые будни, поэтому я без задней мысли согласилась.

— Да, конечно. Хорошо, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Тогда на днях состоится школьная олимпиада, дальше — городская и региональная. — Она говорила медленно, словно взвешивала каждое слово. — Думаю, ты в курсе?

Я кивнула, боясь перебить.

— Да, Елена Николаевна, я всё помню отлично.

— Значит послезавтра, — она понизила голос, и в нём появилась металлическая нотка. — Жду тебя на школьном туре. Не опаздывай.

— Хорошо, — сказала я и поднялась.

Дверь в кабинет захлопнулась за мной с глухим стуком. Я осталась наедине со своими мыслями в пустом коридоре. За окном всё так же мела позёмка, и казалось, что весь мир сжался до размеров этого серого, холодного дня.

Меня охватила сначала гордость за себя — я такая молодец, а кого-то не стали отправлять на олимпиаду. Я шла по коридору и улыбалась своим мыслям. А затем — ощущение тревожности. А что, если я не справлюсь? Что, если провалюсь?

Эти два дня я решила повторить всё, что знаю, и выплеснуть это на бумагу.

На школьном этапе не было ничего трудного: несколько сочинений, тестовые задания. Класс, где проводилась олимпиада, был холодным и плохо освещённым. Из окон дуло. Я сидела за отдельной партой и старалась решать всё сама, дабы не облажаться перед учителем. Но, повернувшись, заметила, что все, кто также выполнял задания, просто списы-

вали. Кто-то украдкой листал телефон, кто-то заглядывал в шпаргалку.

И тут меня одолели сомнения. «Может, тоже списать? — мелькнуло в голове. — А вдруг они напишут лучше просто потому, что у них есть ответы?»

Но я отогнала эту мысль. Расправившись с работой, с чистой совестью пошла домой. На улице было морозно, снег скрипел под ногами, и пар валил изо рта. Я смотрела на свои следы и думала о том, что сделала правильно.

Через несколько дней проверка олимпиады закончилась. Елена Николаевна снова вызвала меня к себе.

Я вошла в кабинет с колотящимся сердцем. Она сидела за столом, листая мою работу. Её лицо было непроницаемым.

— Заходи, — сказала она, не поднимая головы. — Я проверила твою работу. Написала ты неплохо.

Она подняла глаза. В них не было ненависти — только холодное, оценивающее спокойствие.

В моей голове была только одна мысль: «Это нормально? За похвалу ей машину надо купить, но и то не факт, что по-

хвалит».

— Значит, смотри, — она отложила работу в сторону. — Двадцать девятого ноября на городскую олимпиаду тебя будут сопровождать. Подходи к школе к восьми утра. Не опаздывай, — повторила она, и в голосе снова появилась та же металлическая нотка.

— Я поняла, спасибо, — сказала я и вышла.

Дверь захлопнулась. Я прислонилась к стене в коридоре и выдохнула. За окном кружился снег, и казалось, что он падает прямо в мою душу, остужая всё, что там горело.

Но тут ещё никто не мог догадаться, что это — начало моего конца.

Глава 3

За несколько дней до назначенной даты олимпиады меня предупредили: сопровождать меня будет учитель истории — Виталий Евгеньевич. Сам по себе он человек интересный: высокого роста, около ста семидесяти пяти сантиметров, возрастом около тридцати пяти лет, с короткой стрижкой и лёгким, почти мальчишеским характером. Он из тех людей, у кого шутки и каламбуры будто сами собой слетают с губ — легко, непринуждённо, без единой запинки.

В назначенный день настроение не создалось с самого утра. Я проснулась опухшая — веки тяжёлые, лицо будто чужое, отёкшее. Укладка не получилась. Волосы лезли в глаза, чёлка, которую я недавно подстригла, торчала в разные стороны, и я ещё какое-то время винила себя за эту стрижку.

«Зачем я вообще пошла к парикмахеру? — думала я, разглядывая своё отражение в мутном зеркале ванной.

А погода словно решила добить меня окончательно. Утром ударил мороз — тот самый, сибирский, когда воздух становится колючим, как битое стекло, а каждый вдох режет лёгкие так, что кажется — внутри оседают ледяные иглы. До-

роги покрылись ледяной коркой, гладкой и коварной, и казалось: сделаешь шаг — и тут же окажешься на земле, глядя в серое, бездонное небо с единственной мыслью: «Ну вот и всё». Фонари ещё горели, выхватывая из темноты оранжевые круги на снегу, и снежинки в этом свете казались маленькими искрами — будто кто-то рассыпал светящуюся пыль.

Собравшись и сделав свои обычные утренние дела, я отправилась в школу. На входе меня уже ждал Виталий Евгеньевич. Он стоял у крыльца, переминаясь с ноги на ногу, в тёмном пуховике и шапке-ушанке, которая делала его похожим на добродушного полярника. Из рта валил густой пар, и он то и дело хлопал в ладоши, пытаясь согреться.

— Лизавета! — воскликнул он, завидев меня. — С победой! Нет, погоди, победа будет потом. С добрым утром!

Он улыбнулся, и от этой улыбки стало чуть теплее — будто он принёс с собой частичку своего лёгкого характера прямо в этот мороз. Но внутри меня всё равно жила тревога — серая, липкая, как утренний туман над рекой.

Он хороший педагог и человек, но всё равно из-за его должности я никак не могла построить полноценный диалог. Я чувствовала себя скованной, будто каждое моё слово должно быть выверенным, без права на ошибку. В итоге вы-

ходило так, что он травил дедовские анекдоты, а я просто смеялась — иногда влопад, иногда нет.

— Ну что, готова к подвигам? — спросил он, пока мы шли к парковке.

— Наверное, — неуверенно ответила я, поправляя сумку на плече.

— Наверное — это не ответ! — Он подмигнул, и в его глазах заплясали чертики. — Ты должна быть уверена на все сто. Представь, что ты уже победила. А всё остальное — просто формальности.

Мы подошли к его машине. Это была белая Лада Гранта — не новая, но ухоженная, с чистыми стёклами и зимней резиной. На заднем сиденье виднелось детское кресло, а на приборной панели стояла маленькая игрушка — жёлтый зайчик с длинными ушами, который покачивал головой при каждом движении. Машина пахла морозным воздухом, кофе и чем-то домашним — может быть, ванилью, а может, печеньем.

— Прошу, — сказал Виталий Евгеньевич, открывая передо мной дверь. — Не стесняйся, садись.

Я села на переднее сиденье, пристегнулась и положила сумку на колени. Кожаное сиденье было ледяным, и я на секунду замерла, привыкая к холоду.

Ехать, как оказалось, было совсем недолго — буквально десять минут. Во время поездки Виталий Евгеньевич рассказывал о жене, о недавно родившейся дочери, которую называли Ладой. Он говорил с такой теплотой, что казалось, будто он светится изнутри — как печь в зимней избе.

— Представляешь, — он усмехнулся, поворачивая руль. — У меня дочь Лада, и машина — тоже Лада. Теперь у меня две Лады. Одна — железная, другая — самая лучшая. Жена, кстати, не ревнует.

Он рассмеялся — громко, открыто, и я не смогла сдержать улыбку. В его шутках не было ничего вычурного — они были живыми, настоящими, как он сам.

Колёса машины мерно шуршали по снегу — ш-ш-ш, ш-ш-ш, — дворники ритмично скользили по лобовому стеклу, смахивая мелкие снежинки, которые тут же сменялись новыми. За окнами проплывали однотипные панельные дома, засыпанные снегом, с горящими кое-где окнами — маленькими жёлтыми квадратами в серой пелене рассвета. Город казался спящим, укутанным в белую вату, и я чувствовала

себя маленькой точкой в этом огромном застывшем мире.

Когда мы подъехали, передо мной предстала школа — место проведения городского тура. Серое здание с облупленными стенами, на которых кое-где виднелись следы старой краски облупившейся, шелушащейся. Небольшие, глубоко посаженные окна смотрели на мир мутными стёклами, за которыми угадывались тёмные шторы. Крыльцо было посыпано песком — крупным, тёмным, который хрустел под ногами, как разбитое стекло. У входа толпились люди: школьники, учителя, сопровождающие. Гул стоял такой, что уши закладывало — смесь голосов, смеха, кашля и топота ног.

Мы остановились, вышли из машины и прошли ещё несколько метров до школы пешком. Хотя это были всего лишь метры, но с каждым шагом я всё больше боялась поскользнуться и прилюдно упасть. Подошвы скользили по ледяной корке, руки в карманах пуховика сжимались в кулаки, и я старалась ступать так, будто шла по тонкому льду над пропастью. Сердце колотилось где-то в горле. Каждый шаг давался с трудом — я словно шла к собственному приговору.

Этого не произошло. Спасибо.

Мы зашли в школу. Меня сразу охватило чувство небезопасности — липкое, холодное, как прикосновение призра-

ка. Всю школу переполняли толпы подростков и их сопровождающих. Запах был смешанный — дешёвая парфюмерия, мокрая одежда, свежевыпеченные булочки из столовой, пот и ещё что-то неуловимое, тревожное.

Мы показали пропуски. Виталий Евгеньевич огляделся и попросил найти гардероб.

— Лизавета, ты иди, а я здесь постою, — сказал он, кивнув на толпу. — А то мы потеряем друг друга.

Спустя несколько минут поисков гардероб был обнаружен — маленькое помещение с вешалками, набитыми под завязку так, что куртки висели на куртках. Около него — всё те же толпы людей. Я с трудом протиснулась к окошку, лавируя между локтями и сумками, сдала куртку и получила номерок — пластмассовый, с выцветшей цифрой.

Разобравшись с одеждой, я пошла искать списки. Группа пятнадцать — значит, ищем цифру пятнадцать. Я вернулась к своему сопровождению, и ещё несколько минут мне удалось прослушать пару анекдотов.

— Знаешь, почему историки никогда не спорят? — спросил Виталий Евгеньевич, пока мы стояли в коридоре, прильнув к стене.

— Почему? — послушно спросила я, хотя уже догадывалась, куда он клонит.

— Потому что они уже знают, кто прав. Обычно это я.

Он засмеялся — и снова заразительно, так, что я улыbnулась. Не потому, что было смешно, а потому, что он был таким искренним, таким не-учительским в этот момент.

Через некоторое время преподаватели начали выстраиваться в линейку с табличками, на которых чёрным по белому были отмечены номера: 2, 6, 9, 15. Точно — пятнадцать, мой номер. Деспотичного вида строгая женщина держала табличку с номером моей группы. Она была высокой, с острыми чертами лица, с серыми глазами, которые смотрели так, будто видели тебя насквозь, и тонкими губами, поджатыми в ниточку.

— Удачи, — сказал Виталий Евгеньевич и пожал мне руку. Его ладонь была тёплой и сухой. — Я буду ждать. Ты справишься.

Я кивнула, сглотнула ком в горле и резвым шагом отправилась занимать место под крылом той строгой преподавательницы.

А потом случилось то, что перевернуло всё.

Время пришло, и мы отправились в класс. Нашу группу разместили на втором этаже, в самом дальнем классе. Коридоры были длинными, плохо освещёнными, с выцветшими стенами, на которых когда-то были плакаты. Нас рассадили на места — точно как на экзамене: по одному, парты расставлены ровными рядами. И сверили со списками — строгая женщина ходила между рядами и зачёркивала фамилии.

Я была довольна своим местом — третья парта у окна, причём с батареей, которая грела руки. Я сразу положила ладони и почувствовала, как тепло медленно растекается по телу, разгоняя утреннюю дрожь — сначала пальцы, потом кисти, потом предплечья. За окном было серо-бело: снег, небо, иней на стёклах, который рисовал причудливые узоры.

Ученики расселись. В класс зашли две женщины-организатора. Одна из них — всё та же высокая строгая учительница, в чёрном костюме и с высоким пучком на голове, из которого выбивались седые пряди. Вторая — низкого роста, скорее всего преклонного возраста, в тёплом свитере и с мягкими, добрыми морщинками у глаз. Они напоминали мне учительницу английского и химии — будто эти предметы подходили им по атмосфере: одна строгая и непрístupная, дру-

гая тёплая и уютная.

Через некоторое время учительница низкого роста начала читать инструкцию. Её голос был тихим, но внятнм, и в нём чувствовалась многолетняя привычка говорить с учениками.

— Не забудьте подписать бланки, — говорила она, поправляя очки. — Ручки только чёрные, никаких телефонов.

Вскоре инструкция была завершена, и мы стали ждать печати вариантов заданий. Мне ничего не оставалось, кроме как смотреть в окно и разглядывать свой паспорт — будто я пыталась найти в нём что-то, что не видела раньше или не замечала. Фотография на меня смотрела строго, и я думала: «Неужели я такая серьёзная? Неужели это лицо моё?»

Ожидание длилось вечность. Секунды растягивались в минуты, минуты — в часы. Где-то за стеной кто-то кашлянул, кто-то перешептывался, но в целом тишина стояла такая, что звон в ушах казался оглушительным.

Неожиданно для меня девушка, сидящая впереди, обернулась. Слово за слово — у нас произошёл небольшой диалог.

— Привет, — сказала она, поправляя чёлку. На ней был

ярко-розовый свитер, а в ушах — огромные серьги-кольца.
— Нормально добралась?

— Да, — ответила я. — А ты?

— Ага. Волнуешься?

— Ужасно, — призналась я, и она понимающе кивнула.

— Главное — не тупить, — усмехнулась она. — У тебя прикольные волосы. Сама красила?

— Спасибо. Нет, в салоне.

— Не жалеешь?

Я пожала плечами. — Пока нет.

Мы проговорили какое-то время — о внешности, об олимпиаде, о том, кто какие книги любит. Это хоть немного скрасило время. Но тема диалога иссякла, и она отвернулась обратно, оставив меня наедине с моими мыслями.

А потом я повернулась назад.

И мир остановился.

Сзади сидела пара девочек, одетых неформально: одна в длинном чёрном платье и массивных берцах с металлическими пряжками, другая в растянутом свитере с черепом. Впереди сидели зубрилы — те, кто уже успел достать конспекты и повторял их с остервенением, водя пальцем по строчкам и шевеля губами.

И тут я соприкоснулась взглядом с парнем на последней парте третьего ряда.

Время замерло.

Я почувствовала это ещё до того, как осознала — между нами что-то щёлкнуло. Как будто невидимая искра проскочила через весь класс, через все эти парты, головы, тетради. Как будто воздух стал плотнее, тяжелее, электрическим.

Парень с тёмными волосами, с большими карими глазами — такими глубокими, что в них можно было утонуть с первого взгляда, — одетый в простой чёрный свитшот и брюки, смотрел на меня не отрываясь. В его взгляде не было ничего угрожающего. Только любопытство. Или что-то другое, что я не могла определить словами. Что-то древнее, первобытное, как пламя.

И этот взгляд ударил меня под дых.

Сердце сначала пропустило удар — буквально замерло на секунду, словно боялось спугнуть этот момент. А потом понеслось вскачь, как загнанная лошадь. Я почувствовала, как кровь прилила к щекам, как кончики пальцев стали горячими, как по спине пробежали мурашки — маленькие, колющие, живые.

Не ожидая такого внимания, я поспешно отвернулась, чтобы перехватить дух. Горло сжалось, в груди стало тесно, будто сердце вдруг выросло и заняло всё пространство. Я смотрела в окно, но не видела ни снега, ни неба, ни инея — только размытое белое пятно.

Но его глаза тянули меня обратно. Физически тянули. Я чувствовала этот взгляд на себе — тяжелый, тёплый, — как руку на плече. Словно волк увидел добычу, учуял запах и замер перед прыжком. Или словно что-то щёлкнуло в воздухе между нами — невидимая нить, электрический разряд, который можно было потрогать рукой.

Не смирившись с этим ощущением, я повернулась вновь.

Всё те же карие глаза сверлили меня. И в них я видела искру — маленькую, золотую, живую. Она мерцала где-то в глубине, и каждое мгновение казалось вечностью. Мы смотрели друг на друга — секунду, две, три. А может, прошел

час. Я потеряла счёт времени.

И в эти секунды я провалилась. Прямо в его глаза. Как в омут. В карие, тёплые, бесконечные. Мне хотелось тонуть там, забыть об олимпиаде, о заданиях, об учителях, о себе — обо всём. Мозг кричал: «Остановись, что ты делаешь?», но сердце не слушалось.

Наступила тахикардия. Я уже не чувствовала, где сердце — то ли в грудной клетке, то ли в пятках, то ли оно выпрыгнуло наружу и летает где-то между нами. В ушах зашумело — то ли от волнения, то ли от того, что в классе стало невыносимо душно.

Ещё несколько раз мы уловили взгляды. Я смотрела — он смотрел. Словно мотылёк летит на пламя и не может остановиться. Словно между нами натянута струна, и она звенит — тонко, высоко, на одной ноте. Я чувствовала каждое его движение — даже когда он просто переводил взгляд, мне казалось, что это касание.

Я повернулась. Он смотрел не отвлекаясь.

Я показала ему язык. От неловкости, от детской глупости, от желания сбросить это напряжение — электрическое, почти болезненное. И он улыбнулся.

Эта улыбка — краешком рта, чуть заметно — ударила меня снова. Но теперь по-другому. Тепло разлилось где-то в груди, как горячий шоколад. И я поняла: всё, я пропала.

И только в этот момент я заметила, что он не один. Рядом с ним сидел парень с длинными волосами по плечи — русыми, выющимися на концах, — курносый носом и тёмными, почти чёрными глазами. Он казался довольно весёлым — будто некая отдушина для того, кто сидел рядом. Он что-то сказал ему, и тот чуть качнул головой, но глаз с меня не свёл.

Наконец принесли работы. Я схватилась за листы, пытаюсь понять: смогу ли я написать всё? Но мысли путались. Перед глазами всё ещё стояли его глаза — карие, искрящиеся, бесконечные.

Пока мы писали, любопытство брало верх. Я поворачивалась назад — якобы случайно — чтобы разглядеть незнакомца получше.

Он был не худого телосложения. Рост примерно сто восемьдесят пять сантиметров. Слегка длинные волосы, отдалённо напоминающие шторку — чёлку, которая падала на глаза, и он то и дело её отбрасывал. Пухлые губы — такие, что хотелось смотреть на них. Нос — с горбинкой, похожий

на небольшую гору, придающий лицу хищное, почти дерзкое выражение.

Но моя слезка не длилась долго. Меня прервал его ответный взгляд. Он будто чувствовал мои глаза, которые пытались найти что-то неизведанное. Поймал меня — и снова улыбнулся. Теперь шире.

Спустя время парни решили уходить. Его друг взял работу — смял листы в трубку, — и пошёл сдавать. А объект моего обожания? Он не сводил с меня глаз. Даже когда вставал, даже когда забирал свою работу, даже когда направлялся к выходу. «Неужели сейчас уйдут? — пронеслось в голове панически. — Неужели я больше его никогда не увижу?»

Они начали выходить из аудитории, но я поймала проблеск пары щенячьих глаз, указывавших на дверь. Этот взгляд был как приглашение, как тихий шёпот: «Иди за нами».

«Намёк понят», — подумала я и подняла руку.

— Можно выйти? — спросила я у строгой учительницы. Мой голос прозвучал чужим — сильным, дрожащим.

Она посмотрела на меня поверх очков, задержала взгляд

на секунду дольше, чем следовало, и кивнула:

— Иди.

Я вышла в коридор. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно во всей школе — гулко, как барабанную дробь. За спиной хлопнула дверь — глухо, окончательно. Впереди — тишина и пустой, длинный коридор с выцветшими стенами, в конце которого маячили две фигуры.

И я сделала шаг. Навстречу. Навстречу той самой искре, которая уже успела поджечь что-то внутри. Я не знала, что это — начало или конец. Знала только одно: меня туда тянуло. И я шла.

Глава 4

Я вышла из кабинета и устремила взгляд в коридор. Там отчётливо виднелись две удаляющиеся фигуры. С ростом я не прогадала: объект моей симпатии был около ста восьмидесяти пяти сантиметров, а его сопровождающий друг — около ста восьмидесяти. Они шли неспешно, и их шаги гулко отдавались в пустом коридоре, будто отбивая ритм моего сердца.

Я неловко поймала взгляды парней. На секунду повисла пауза — тяжёлая, как занавес перед спектаклем. Воздух между нами стал плотным, почти осязаемым.

Друг первым нарушил молчание. Он был русым, с курносым носом и весёлыми глазами, которые так и бегали по сторонам.

— Привет, — произнёс он, мило улыбнувшись. В его голосе чувствовалась лёгкость, будто он всегда так заговаривал с незнакомками.

— Привет, — ответила я, слегка прищурившись и ожидая хоть малейшего звука от парня с щенячьими глазами.

Я улыбнулась, но мой взгляд всё время возвращался к молчаливому. Он стоял, чуть смущаясь, и украдкой посматривал на меня — исподлобья, с каким-то детским любопыт-

ством, от которого у меня внутри всё переворачивалось. Он тербил край своего свитшота — чёрного, простого, немного великоватого ему. Его тёмные волосы слегка падали на глаза, и он то и дело встряхивал головой, чтобы их убрать.

— Где учишься? — спросил друг, не давая паузе затянуться.

— В шестьдесят четвёртой, — ответила я, поправляя сумку на плече. — Недалеко от ГЭС. А вы?

— В двадцать третьей, — кивнул друг. — Это примерно в районе аэропорта. Далековато отсюда, но ничего.

Диалог не длился долго. Объект обожания словно принял роль столба: стоял, переминался с ноги на ногу, засунув руки в карманы брюк, и продолжал пялиться на меня. В его взгляде не было наглости — только какая-то напряжённая заинтересованность, будто он пытался прочитать меня как книгу, но никак не мог перевернуть первую страницу.

Спустя ещё пару секунд тягостного молчания тема разговора иссякла окончательно. Друг оглянулся на него, потом на меня, и как-то виновато улыбнулся.

— Ну, мы пойдём, — сказал он, дёрнув молчаливого за рукав. — Нас, наверное, уже ждут.

— Да, пока, — выдавил наконец он — тихо, почти шёпотом, и в его голосе мне послышалась нотка сожаления.

Я поспешно попрощалась и, чувствуя, как горят щёки, быстрым шагом забежала в уборную, чтобы перевести дух. Дверь за мной захлопнулась с глухим стуком. Я прислонилась спиной к прохладной кафельной стене и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле, и я слышала его гулкое эхо в тишине.

Тут ко мне пришло осознание: я не спросила их имён. Как так можно было забыть самое главное?! Я мысленно обругала себя, прикусила губу до боли и ещё какое-то время стояла, укоряя себя за рассеянность.

«Идиотка, — думала я. — Взяла и упустила такой шанс. А вдруг я их больше никогда не увижу?»

Немного успокоившись, я решила вернуться в аудиторию.

В классе всё было по-прежнему: скрип ручек, тихие вздохи, приглушённые перешёптывания. Но не хватало пары щенячьих глаз. Их пустое место за последней партой казалось мне сейчас самым заметным пятном в комнате. Я невольно смотрела туда снова и снова, словно надеясь, что он материализуется обратно.

Просидев ещё какое-то время и дописав работу, я совсем забылась в своих мыслях и сомнениях об олимпиаде. Мне уже было никакого дела до сочинений и тестовых заданий. Я взяла работу, освободила парту и, сдав листы, получила ещё несколько взглядов от учеников, которые всё ещё писали — кто-то с завистью, кто-то с удивлением, а кто-то просто проводил меня взглядом, равнодушно проводив до двери.

Выходя в коридор, я всё ещё оставалась в надежде — глупой, детской, почти беспомощной, — что они ждут меня. Что они стоят где-то за углом и улыбаются. Но реальность быстро поставила всё на места: коридор был пуст. Только эхо моих шагов и бледный свет утренних ламп, отбрасывающих длинные тени на выцветший линолеум.

На улице меня встретил морозный воздух. Он был таким холодным, что ноздри слипались, а глаза слезились. Снег скрипел под ногами, и я на секунду задержалась на крыльце, вдыхая полной грудью.

Небо было бледно-голубым, почти белым — затянутым тонкой вуалью облаков, сквозь которые едва пробивалось солнце. Оно висело низко, и его лучи скользили по заснеженным крышам и искрились в воздухе тысячами крошечных алмазов. Деревья стояли белыми, припорошенными инеем, который искрился на ветру. Ветер — тихий, колючий — сдувал с них снежную пыль, и она кружилась в воздухе маленькими вихрями, сверкая на свету как конфетти.

Школа казалась огромной серой глыбой на фоне этого белого безмолвия. Её стены были облуплены, кое-где виднелись трещины, а окна — узкие, глубоко посаженные — смотрели на мир мутными стёклами, покрытыми морозными узорами. На вывеске у входа чёрные буквы почти не читались из-за налёта инея.

Я спустилась по лестнице, осторожно ступая по обледенелым ступенькам, и встретила того самого учителя истории — Виталия Евгеньевича. Он ждал меня у входа, спрятав руки в карманы своего тёмно-синего пуховика.

— Ну что, Лизавета? — спросил он, потирая замёрзшие руки и пританцовывая на месте. — Как успехи? Сразила всех своей гениальностью?

— Не знаю, — честно ответила я, кутаясь в шарф и поднимая воротник. — Всё написала, но... мысли были немного не о том.

— О чём же? — Он прищурился с хитрецей, и в его глазах заплясали чертики. — О чём ещё можно думать на олимпиаде, кроме заданий?

Я отвела взгляд и пожала плечами, чувствуя, как румянец снова заливает щёки под слоем косметики. Мои щёки и так горели от мороза, а теперь — вдвойне.

— Ладно, — не стал давить он. — Это твои тайны. Но ты молодец, что пошла. Уже это — победа.

— Спасибо вам за поддержку, — сказала я и вдруг почувствовала ком в горле. — Спасибо, что отвезли.

— Всегда пожалуйста, — он похлопал меня по плечу, и его рука была тяжёлой и тёплой даже через пуховик. — Давай до дома, а то замёрзнешь. Мороз-то вон какой — собачий.

— До свидания, Виталий Евгеньевич.

— Удачи тебе, Лизавета. И не теряй вдохновения.

Мы попрощались, и он ушёл к своей машине — белой «Ладе Гранта», на приборной панели которой всё так же покачивал головой жёлтый заяц. Двигатель заурчал, и машина медленно выехала с парковки, оставляя за собой две полосы чистой резины на заснеженном асфальте.

А я осталась стоять на крыльце. Смотрела на город, укрытый снегом, и чувствовала, как внутри меня всё ещё бушует тот странный пожар — неожиданный, почти нереальный.

«Кто он? — думала я. — Как его зовут? Зачем я вообще на него так отреагировала?»

Солнце уже начинало блестеть, и его лучи окрашивали

снег в розовато-оранжевые тона. Где-то вдалеке лаяла собака, и снег тихо скрипел под чьими-то шагами.

Я оглянулась на своё отражение в тёмном стекле школьной двери. На мне была длинная тёмно-синяя юбка в пол из плотной, почти шерстяной ткани — она струилась при ходьбе и прикрывала ноги от ветра. Белая рубашка с длинными рукавами, аккуратно заправленная, и чёрный пиджак — строгий, почти офисный, но сидел он на мне так, что я чувствовала себя увереннее, почти взрослой. Волосы трепал ветер, и я то и дело поправляла их, зачёсывая назад и пряча за уши. Чёлка, которую я недавно подстригла, лезла в глаза, и это раздражало, но сегодня мне было почти всё равно. На ногах — чёрные ботинки на плоской подошве, уже мокрые от снега.

Я поправила сумку на плече — тяжёлую, с тетрадями и паспортом — и медленно пошла к остановке.

Все свои эмоции я решила законспектировать. Но не в тетрадь — а в голосовое сообщение Маше.

Был будний день, пятница. Подруга, скорее всего, находилась в техникуме. Чтобы не отвлекать её с занятий, я решила записать голосовое, пока шла домой. Выходило из рук вон плохо: на улице шумел ветер, снег скрипел под ногами, а в горле стоял этот противный ком, который мешал говорить ровно.

Голосовое сообщение:

«Мария Николаевна, короче. Я сейчас иду с олимпиады, и я, блядь, не знаю, с чего начать. Сама олимпиада прошла нормально, ничего сложного, но это не важно, потому что... короче, там был один парень. Я даже не знаю его имени. Мы просто смотрели друг на друга весь чёртов экзамен, представляешь? Я сидела, а он на меня смотрел, и я на него — и я не могла отвести взгляд. Это как будто... искра, что ли. Электричество. Я чувствовала, как меня колотит, а он просто смотрел и улыбался. Я, блядь, язык ему показала, и он улыбнулся. А потом я вышла в коридор, они стояли там, его друг со мной поговорил — приятный такой, нормальный. А сам он стоял столбом, просто пялился и молчал. Я даже имя не спросила, дура. Знаю только, что они из двадцать третьей школы. Всё. Единственная зацепка — двадцать третья. Я в себе просто... я не знаю, что со мной. В общем, слушай, я скоро домой приду, отпишусь. Всё, давай».

Связи почти не было, и я без особого энтузиазма нажала на кнопку отправки, надеясь, что сообщение когда-нибудь дойдёт.

Автобус пришёл через десять минут. Я зашла внутрь, и меня обдало волной тепла — пахло потом, дешёвым кофе и бензином. Свободных мест почти не было, но у окна освободилось одно. Я села, поставила сумку на колени и присло-

нилась лбом к холодному стеклу.

Город поплыл за окном — знакомые улицы, заснеженные дворы, детские площадки с пустыми горками, люди в тёплых куртках, спешащие по своим делам. Автобус покачивало на неровностях, и меня слегка укачивало, но я не обращала внимания. Я смотрела на витрины магазинов, на гирлянды, которые уже начали вешать к Новому году, и думала о том, что этот день изменил что-то во мне.

Я вспоминала его взгляд — тяжёлый, пронизывающий, карий, — и по телу снова пробежали мурашки. Сердце начало биться чаще, и я сжимала пальцы в кулак, чтобы успокоиться.

Наконец я вышла на своей остановке. Ноги затекли, сумка оттягивала плечо, но внутри всё горело. Я открыла дверь ключом и шагнула в тишину прихожей.

Дома никого не было. В коридоре висело моё чёрное длинное пальто, которое я носила всю прошлую зиму, и шапка с помпоном — смешная, но тёплая. На зеркальной полке стояли пустые баночки от крема, которые я забыла выбросить.

Я скинула ботинки в прихожей, поставила их на сушилку. Сняла куртку, пиджак, повесила аккуратно на плечики. Потом прошла на кухню, зажгла свет — люминесцентная лампа замигала пару раз и загорелась ровным белым светом.

Налила себе кружку крепкого кофе — чёрного, горького,

почти кипятка. Схватила кружку обеими руками, грея замёрзшие пальцы, и села за стол.

Тишина стояла такая, что звон в ушах казался оглушительным. Часы на стене тикали громче обычного — громко, монотонно, словно отсчитывая секунды до чего-то важного.

Полное, всепоглощающее одиночество окутало меня, как одеяло — тяжёлое, серое, из которого не хотелось вылезать. Я смотрела на свои руки и думала о том, что этот день мог быть другим, если бы я не струсилa.

Через некоторое время пришло сообщение от Маши. Она уже закончила пары в техникуме и была готова обсуждать моё открытие.

Маша: Лиз, я только что твоё голосовое прослушала. Ты серьёзно? Я аж чаем поперхнулась, когда услышала.

Я: Абсолютно. Я сама в шоке. До сих пор руки трясутся.

Маша: И ты даже имени не спросила? Лиз, ну как так-то?

Я: Я дура, да. Я уже поняла. Миллион раз себя мысленно выпорола.

Маша: Ладно, не ной. Двадцать третья школа — это уже что-то. Может, у нас есть общие знакомые? У меня в параллели была девочка, которая туда перевелась.

Я: Правда? Ты можешь у неё спросить?

Маша: Постараюсь. Но она не очень любит отвечать на сообщения, мы не общались давно. Но попробую. А ты сама искать не пробовала?

Я: Я уже думала об этом. Буду искать через ВКонтакте.

Маша: Ты хоть помнишь, как он выглядел? А то вдруг перепутаешь

Я: Помню. Высокий, около ста восьмидесяти пяти. Тёмные волосы, чуть длинные, падают на глаза. Карие глаза — такие глубокие, я в них утонула, честное слово. Свитшот чёрный, спокойный такой, незаметный. Брюки чёрные, кроссовки белые. И взгляд — тяжёлый, но при этом добрый. И улыбка — краешком губ, знаешь, такая ленивая. Я не знаю, как объяснить.

Маша: Ого. Ты прям влюбилась, похоже. Я тебя такой никогда не видела. Даже когда про Марка рассказывала, не так горела

Я: Я не знаю, что это. Не знаю, любовь это, влюблённость или просто гормоны. Но мне нужно его найти. Не могу про-

сто забыть. Если я его не найду — я сойду с ума.

Маша: Поняла. Давай думать вместе. Я поспрашиваю у знакомых из той школы. Ты тоже ищи в соцсетях. И не смей себя винить, что не спросила — это было просто судьба, чтобы ты помучилась. Специально, чтобы интереснее было

Я: Спасибо, Маш. Ты лучшая. Правда.

Маша: Знаю. Давай, ищи своего краша. Я в деле. Держи меня в курсе, ладно?

Я: Ладно. Обязательно.

Я отложила телефон и сделала глоток уже слегка остывшего кофе. Горьковатый вкус разлился по языку, и я на секунду задумалась.

«Что же со мной происходит? — думала я, проводя пальцем по ободку кружки. — Почему я, которая всегда считала себя рассудительной, сейчас готова лезть на стену из-за одного незнакомца?»

Но я уже знала ответ: не важно, что меня в нём привлекло. Важно, что я ещё раз хотела бы ощутить на себе его взгляд — тяжёлый, пронизывающий, карий. Тот самый, от которого электричество проходило по коже, волосы вставали дыбом, а сердце пропускало каждый второй удар.

Решение было принято: я должна его найти.

Чтобы потом я не стала, какая самая популярная соцсеть в России по мнению подростков? Ответ очевиден — ВКонтакте.

Отпив пару глотков уже почти холодного кофе, я взяла телефон, нашла иконку синего приложения на главном экране — она стояла на самом видном месте, в нижнем ряду — и ткнула в неё указательным пальцем. Экран засветился, загружаясь, и передо мной открылось знакомое пространство: лента постов друзей, уведомления, сообщества, чаты. И, конечно, поисковая строка — маленький белый прямоугольник в верхней части экрана, в котором скрывалась вся моя надежда.

В данной сети можно поставить параметры: школа, имя, место рождения. Я создала фильтр из того, что знала. Всего лишь город и номер школы — двадцать третья. Строка выдала кучу совпадений — страниц двести, а то и все триста. Я принялась листать.

Просматривать аватарки было невозможно: у кого-то стояло аниме, у кого-то животные, у кого-то просто размытые фотографии, на которых ничего не разобрать. Найти его среди этой бесконечной вереницы имён и фамилий казалось невыполнимой задачей.

Но я не сдавалась. Прокручивала страницу за страницей,

пока глаза не начали слезиться от напряжения и яркого света экрана.

И вдруг я заметила парня по имени Кирилл Романов. По фотографиям он выглядел интересно: накачанный, спортивный, с короткой стрижкой и уверенной улыбкой. Но низкого роста — около ста шестидесяти, как я поняла по фоткам, где он был в обнимку с друзьями. Как бы это ни было нелепо, у него было много друзей — несколько тысяч. У меня же — около трёхсот.

«Хорошая идея, — подумала я, отхлёбывая последние капли кофе. — Написать ему с просьбой о помощи в поисках. Он наверняка всех знает».

Я зашла к нему на страницу. Всё было оформлено в тёмных тонах: чёрная аватарка, цитата про успех в статусе, много музыки в аудиозаписях. Стена пестрела репостами тренировок, мотивационных картинок и фотографий с друзьями. Я пролистала немного, отмечая про себя, что он кажется довольно популярным парнем — комментарии под постами сыпались один за другим.

Я нажала на кнопку «Написать сообщение», и передо мной открылось пустое окно чата. Белое, чистое, как снег за окном. Пальцы зависли над клавиатурой, и я задумалась: «А вдруг он пошлёт? А вдруг ему будет лень помогать?»

Сначала я написала одно сообщение, потом стёрла. Написала другое — снова стёрла. Сердце колотилось где-то в горле, и я чувствовала, как ладони становятся влажными.

Наконец, я решилась.

Я: Кирилл, привет! Извини, что беспокою. Можно у тебя кое-что спросить? Ты, кажется, в 23-й школе учишься? Если нет — извини, ошибаюсь

Ответ пришёл не сразу. Минуты три я смотрела в экран, перечитывая своё сообщение, и гадала: «Достаточно вежливо? Не слишком ли навязчиво?».

Кирилл: Привет. Да, в 23-й. А ты кто?

Я: Меня Лиза зовут. Мы не знакомы, я из 64-й. Просто сегодня была олимпиада в школе, где вы писали, и я там... в общем, встретила одного парня. Из твоей школы, наверное. И я забыла спросить его имя. Глупо, да? Может, ты знаешь, кто это?

Кирилл: Забавно. А как он выглядел?

Я: Высокий, около 185. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем обычно. Карие глаза. Был в чёрном свитшоте. С ним был

друг — русский, с курносый носом, очень разговорчивый.

Я описала его так подробно, как только могла, зажмурившись и вспоминая каждую деталь — как он стоял, как смотрел, как встряхивал волосами.

Кирилл: Дай подумать... Таких парней у нас много. (На экране появилась задумчивая гифка с котом, который почёсывает затылок)

Он замолчал. Прошло ещё несколько минут. Я встала из-за стола, прошлась по кухне, попила воды из кувшина, который стоял на столе уже дня два. Вода была тёплой и невкусной, но я всё равно сделала пару глотков, просто чтобы занять руки. Потом снова села. В комнате было темно, только свет от экрана освещал моё лицо, и в этом свете я, наверное, выглядела бледной, с огромными кругами под глазами.

Вдруг чавкнуло уведомление. Я подскочила на месте и схватила телефон.

Кирилл: Есть один вариант. Я не уверен, но по описанию похож на Диму. Дмитрий Павлов. Хочешь, ссылку скину?

Я: Да, пожалуйста! Буду очень благодарна!

Кирилл: Держи. Но если что, я ничего не говорил)

Я: Ты мой спаситель. Спасибо огромное!

Кирилл: Да не за что. Удачи тебе. Напиши потом, как всё пройдёт, интересно)

Я: Обязательно. Ещё раз спасибо!

И он прислал ссылку — на профиль некого Дмитрия. На аватарке виднелся парень в тёмных очках на леса. Я не узнала его: глаза, за которые я так цеплялась, были прикрыты толстым слоем непробиваемых линз. Но что-то в очертаниях лица, в линии подбородка, в том, как он стоял — расслабленно, чуть наклонив голову — показалось мне знакомым.

«Была не была», — подумала я, отставила пустую кружку в сторону и решила писать. Прямо спросить у человека. Чего уж теперь.

Я: Привет. Странный вопрос, но не ты случайно был на олимпиаде сегодня? — пальцы дрожали, и буквы прыгали под ними, но я кое-как набрала сообщение.

Палец резво нажал кнопку «Отправить», а сердце продолжало сжиматься в груди, как сжатая пружина. Я отложила телефон на стол и уставилась на него, боясь моргнуть.

«Вдруг он не ответит? Вдруг это не он? Вдруг я опозорилась?»

Ответ долго ждать не пришлось. Всего через минуту экран засветился, и я увидела уведомление.

Я раскрыла сообщение дрожащими руками.

Дима: Привет, как же ты меня нашла...?

Я выдохнула. Выдохнула так глубоко, как не дышала последние полчаса. Нашла. Кажется, это был он. Внутри меня всё ликовало. Я прижала телефон к груди и закрыла глаза. Искра, проскочившая между нами в той аудитории, оказалась не случайной. Теперь у меня было имя. Теперь у меня был контакт.

Теперь начиналось нечто новое — то, чему мне ещё только предстояло дать название.

Глава 5

Я устремила взгляд в потолок, прижав телефон к груди. Неужели я нашла его? Эта мысль доносилась в моей голове снова и снова, как заевшая пластинка. Радость и предвкушение чего-то нового поглощали меня целиком, не оставляя места ни страху, ни сомнениям.

«Как ты меня нашла?» — спросил Дима. Я усмехнулась, представив его лицо в этот момент — удивлённое, растерянное, но приятно удивлённое. В его голосе, который я слышала только в своей голове, мне чудилась лёгкая растерянность.

«Фокусники не раскрывают своих секретов», — ответила я, чувствуя, как губы сами собой расплываются в улыбку.

«Ну ладно», — ответил он, и мне показалось, что он тоже улыбается. По ту сторону экрана. В своей комнате. Возможно, тоже глядя в потолок.

Так мы говорили весь вечер. Обсуждали всё на свете — школу, олимпиаду, музыку, фильмы, нашу бытовую жизнь. Я узнала его: незнакомца с карими глазами, который смотрел на меня так, будто я была единственным человеком в комнате.

Дима оказался человеком, чья жизнь текла в тихом, размеренном русле, далёком от привычной мне суеты. Его мать

развелась с отцом, когда он был ещё ребёнком. Отчим, пришедший в его жизнь несколько лет спустя, был человеком строгим, почти суровым, но справедливым. Он не пытался заменить отца, но стал тем, кто учил Диму держать удар, не жаловаться и идти вперёд даже тогда, когда хочется лечь и сдать. Именно от него Дима перенял эту внешнюю жёсткость, за которой пряталась совсем другая натура — ранимая, почти детская.

У Димы был младший брат, пятилетний егоза с вечно перепачканными красками руками. Мальчишка обожал старшего, таскался за ним хвостом, задавал тысячу вопросов в минуту и засыпал только после того, как Дима читал ему сказку. Кошка Лея — пушистая, капризная, с независимым взглядом — спала только на его кровати, и Дима уже смирился с тем, что она там главная. Бабушка и дедушка жили неподалёку, и каждое воскресенье вся семья собиралась за большим столом, где пахло пирогами и слышался негромкий смех. Всё как в обычной семье, с тёплыми традициями и бесконечными расспросами о делах в школе.

С ранних лет Дима увлекался компьютерными играми. Часами пропадал в виртуальных мирах, где всё было проще и понятнее, чем в реальности, где он чувствовал себя увереннее и сильнее. Но однажды он закрыл ноутбук и больше не открыл — понял, что тратит время впустую, что эти победы

ничего не значат в настоящей жизни. Теперь он ходил в зал. Качался, работал над собой, пересиливал боль и усталость. Говорил, что это даёт ему ощущение контроля над жизнью — когда ничего не можешь изменить снаружи, меняешь себя изнутри.

«Кстати, может, странно прозвучит, но у тебя такая красивая линия челюсти», — неожиданно написал он.

Я замерла. Compliment пришёлся мне по душе — кто не любит, когда замечают детали, на которые ты сама даже не обращаешь внимания? — но всё равно было странно слышать это от парня, которого я знала всего несколько часов. Обычно говорят про глаза, про волосы, про улыбку. А тут — линия челюсти. Словно он рассматривал меня не как картинку, а как скульптуру, изучал каждую линию, каждый изгиб.

«Спасибо, — ответила я. — Ты первый, кто это заметил».

«Наверное, потому что другие не смотрели так внимательно», — написал он.

Мы ещё раз обсудили сегодняшний день. И для себя я узнала много нового. Оказалось, они ждали меня. Моя интуиция не подвела — это не оказалось детской фантазией.

Он и правда ждал. Стоял в коридоре, делал вид, что слушает друга, а сам поглядывал на дверь, из которой я должна была выйти. В последнюю минуту их поторопила сопровождающая — женщина строгая, в чёрном костюме, с лицом, не терпящим возражений. Это привело к постепенному сбору домой, и он был расстроен тем, что не успел со мной нормально попрощаться. Я продолжала шутить на тему того, что мне нужна премия за удачный поиск Димы. Он смеялся — я это чувствовала даже через экран.

По прошествии времени мы захотели изучить друг друга ближе. И как оказалось, отношений у него не было. Совсем. Даже поцелуя — ни с кем. Это повергло меня в шок. Люди, которых я знала, наши ровесники, уже имели за плечами хоть какой-то опыт. А тут — девственная душа, чистая страница, на которой ещё никто не писал. Я не стала рассказывать о своём опыте подробно, хотя какой там опыт — один парень, несколько неуклюжих поцелуев. Но его это не смутило. Он сказал: «Каждому своё время». И я почувствовала, что он прав.

Разговоры были длинными, а время текло с такой скоростью, что я не замечала, как минуты переходили в часы. Когда я наконец отложила телефон, часы показывали половину второго ночи. За окном всё так же кружил снег, фонари мигали в такт метели, и в комнате было холодно — я забыла

закрывать форточку.

Утром я проснулась с чувством, что в моей жизни началось что-то новое. За окном было серо — низкое небо давило на крыши, снег лежал серыми сугробами, но в воздухе чувствовалось приближение праздника. Фонари ещё горели, выхватывая из темноты оранжевые круги на снегу. Дороги были скользкими, и на стекле машины, припаркованной у дома, я увидела тонкую корку льда, прозрачную и хрупкую, как первый лёд на луже.

Я сделала себе завтрак — овсянку с ягодами из морозилки и чёрный кофе без сахара. Пока каша грелась в микроволновке, я успела заправить кровать, сложить пижаму, выкинуть мусор из ведра и протереть пыль с подоконника. В такие моменты я чувствую себя почти взрослой — справляюсь с бытом, управляюсь по дому, пока родителей нет. Потом вымыла посуду, протёрла стол на кухне, полила цветы — два фикуса, которые росли у меня уже три года, и кактус, который, кажется, рос на одной силе воли, без воды, без света, просто назвал всем законам ботаники.

Покончив со своей рутинной, я рассказала о своём маленьком открытии Милане и Маше. Они подошли к этому с энтузиазмом и счастьем.

Милана, увидев меня в школе, заверила, что я будто но-

вогодняя ёлка — сверкаю, сияю и излучаю свет.

— Ты посмотри на себя, — сказала она. — У тебя глаза горят так, будто ты выиграла в лотерею.

— Может быть, так и есть, — ответила я, и мы обе рассмеялись.

Правда, я сама не видела, насколько сильно сияют мои глаза. Мне казалось, я просто улыбаюсь чаще обычного. Но Милана сказала, что это заметно со стороны — будто внутри меня включилась лампочка, и она светится тёплым, золотистым светом, который разгоняет даже зимнюю хмарь.

Маша, в своей привычной манере, написала мне в мессенджере:

«Лиза, ты серьёзно? Ты его нашла? Я за тебя так рада, что аж сама покраснела! Рассказывай всё подробно, ничего не утаивай!»

И я рассказала. О Диме, о его карих глазах, о его девственной душе и о том, как он заметил мою линию челюсти. Маша слушала, переспрашивала, смеялась и требовала новых подробностей. А потом сказала: «Будь аккуратнее, мало ли. Но я верю в тебя».

Жизнь шла своим чередом. Милана переживала ссоры и примирения со своим парнем Максимом — человеком, которого я тихо ненавидела, но старалась не показывать этого. Максим был невысоким, коренастым, со стрижкой «под ноль» и вечно помятым лицом, будто он только что встал с дивана. Он носил спортивные штаны с лампасами и дешёвые китайские кроссовки, а его любимое занятие — стоять у подъезда с сигаретой в зубах и обсуждать, кто кому должен. Он не интересовался ни книгами, ни музыкой, ни фильмами — только жигулями, тусовками с друзьями и легкодоступными девушками. Хотя Милана и не была из их числа, было видно — она по уши влюблена. В его колючие глаза, в его небрежную улыбку, в то, как он иногда, совершенно внезапно, мог быть нежным — подать руку, когда она спотыкалась, или укутать её своим шарфом. Я не понимала эту любовь. Не понимала, как можно смотреть на него и не видеть всей той серости, которой он был окутан. Но Милана была счастлива — или убеждала себя в этом. И я не хотела разрушать её иллюзии. По крайней мере, пока.

У Маши жизнь тоже кипела. Её студенческие будни были серыми — пары в старом здании техникума на окраине города, где пахло краской, пыльными шторами и дешёвым кофе из автомата. Домашка до ночи и бесконечный скроллинг социальных сетей, от которого уже рябило в глазах. Но среди этой серости появился кто-то, кто заставлял её глаза гореть так же, как мои. Его звали Данил.

Данил был высоким — около ста восьмидесяти пяти сантиметров — и накачанным, с широкими плечами и мощными руками. У него была короткая стрижка, волосы чуть рыжеватого оттенка, которые на солнце отливали медью. Я лицезрела его фотографии, на которой виднелись чуть примятая переносица — след от старой спортивной травмы, — за что дразнила его, называя «картошкой».

Данил учился на тракториста в том же техникуме. Меня не прельщала его профессия — каждый раз, когда я представляла его за рулём трактора, мне становилось немного грустно. Но Машу это будто не волновало. Она рассказывала, как он заботливо поправляет ей шарф на морозе, как приносит кофе перед парами, как смешит её глупыми историями из детства. А значит, и меня не должно было волновать.

Спустя время, мы созвонились по телефону, я ждала от Маши некого доклада о том, что же происходит у них с новой персоной в её жизни.

— Представляешь, — говорила Маша, накручивая локон на палец, — он вчера помог мне с сумками до техникума. Такие тяжёлые, а он даже не запыхался. Потом мы сидели на лавочке, пили кофе из автомата, и он рассказывал, как в детстве хотел стать космонавтом.

Мы рассмеялись. И я поняла, что Маша счастлива.

А я жила своей жизнью, которая постепенно входила в привычную колею. Каждое утро — душ, завтрак, сборы в

школу. Дорога занимала двадцать минут пешком — мимо старых панельных домов с облупленными стенами, детской площадки с качелями, что вечно скрипели на ветру, и небольшого сквера. Деревья стояли голыми, их чёрные ветви тянулись к небу, будто просили о чём-то.

По вечерам я садилась за домашнее задание, включив на фоне музыку. Обычно это был «Ночные Снайперы» или «Земфира» — группа, которую я открыла для себя недавно и теперь не могла перестать слушать. Иногда, когда уроки надоедали, я рисовала — карандашные наброски на полях тетради, абстракции, лица, которые никто не видел.

А потом я смотрела на телефон в надежде увидеть уведомление от Димы. И чаще всего оно приходило.

Наши разговоры становились всё длиннее. Мы обсуждали книги, которые прочитали, фильмы, которые запомнились. Оказалось, он любит «Бойцовский клуб» и «Зелёную книгу», а я — всё, что снял Тарантино. Мы спорили о музыке — он за рок, я за попсу, — но это были споры, которые сближали, а не отдаляли.

Я влюблялась. Медленно, но неумолимо, как река подтачивает берег. В его голос, который я помнила по той короткой фразе «пока». В его молчания, которые не были холодными, а наполненными смыслом. В его карие глаза, которые

теперь я видела перед собой даже с закрытыми.

По вечерам в моей комнате горел торшер, отбрасывая жёлтый круг света на письменный стол. Стены были увешаны постерами — группа «Artic Monkeys», пара репродукций Ван Гога и фотография, которую я сделала прошлым летом на озере. На подоконнике стояли мои любимые цветы — фиалки, они цвели уже третий месяц подряд, хотя я почти не ухаживала за ними.

Я сидела за столом, писала сочинение по литературе, но мысли были далеко. Они кружили вокруг одного человека — высокого парня с карими глазами и девственной душой, который стал для меня чем-то большим, чем просто незнакомец с олимпиады. Он был тем, кто заставил меня чувствовать себя живой — не просто существующей, а живущей, дышащей, ждущей.

И я знала: это только начало. А что будет дальше — время покажет. Но пока что я была счастлива. И этого было достаточно.

Глава 6

За неделю зима почти пришла. На улице становилось всё холоднее, и лёгкая куртка сменилась на тяжёлый зимний пуховик. Дни проходили тихо, почти спокойно, но это спокойствие нарушало лишь присутствие Димы — не реальное, а

то, что жило в моей голове, не желая исчезать.

Его сообщение пришло вечером, когда за окном уже мела позёмка.

Дима: Может, встретимся? Что думаешь?

Я: Я ответила, что не против, и спросила, куда пойдём.

Дима: В кино. Вышел в прокат хороший фильм. Интересно. Я бы ходил.

Я: Почему нет? — написала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от предвкушения.

Дима: Хорошо, я куплю билеты. Как ты будешь добираться? Ты не против, если я вызову тебе такси?

Я: Не стоит. Мне нужно утром закончить все дела. В обед как раз буду свободна.

Я подумала о том, что у меня будет время привести себя в порядок перед встречей, не торопясь, без суеты.

Дима: Как скажешь. Но если что изменится — дай знать. Я позабочусь о тебе.

Сердце ушло в пятки. Это было очень приятно. «Мне нужно быть идеальной», — подумала я. Было важно, чтобы в первую официальную встречу — даже свидание — я выглядела на все сто.

Я сидела на кухне, обхватив кружку с горячим кофе. За окном ещё было темно — фонари горели жёлтым, освещая пустые улицы. Я сделала глоток, обожглась и поморщилась. Кофе был крепким, почти горьким, с нотками корицы — я любила такой по утрам. Включив кофемашину, я открыла заметки в телефоне, где был записан список дел: ногти, укладка, макияж, одежда. Голова взрывалась от количества задач. Попивая свежемолотый кофе, я ощущала тепло и трепет ожидания.

Неделя проходила долго. Каждое утро я просыпалась с мыслью о том, что сегодня ещё не тот день. Садилась за стол, завтракала — обычно овсянку с ягодами или яичницу с хлебом — и уезжала то в школу, то на консультации, то просто гулять, чтобы не сойти с ума от ожидания. Мне каждую ночь снились щенячьи глаза, которые я так жаждала увидеть, чтобы снова в них утонуть. Я просыпалась, смотрела в потолок и думала: неужели это наконец случится?

В день перед встречей я не спала почти до трёх. Лежала в

темноте, смотрела на свет фонарей, пробивающийся сквозь шторы, и прокручивала в голове сценарии. Как я войду. Что скажу. Как посмотрю. А вдруг я споткнусь? А вдруг у меня будет глупый вид? А вдруг он разочаруется? Заснула только под утро, а проснулась — и не поняла, спала ли вообще.

Наконец день приблизился. На улице морозил так, что воздух становился колючим, как битое стекло. С неба валили пушистые снежинки, а само небо было покрыто белой пеленой, будто застывшей на месте. Казалось, даже ветер боялся нарушить это безмолвие.

Я вышла из дома утром, натянув пуховик до подбородка. Ноги скользили по наледи, и я шла осторожно, маленькими шагами, боясь упасть и испортить всё ещё до начала. В парикмахерскую я ехала на автобусе — он был почти пустым, только пара бабушек с сумками на колёсах да мужчина в наушниках. Я смотрела в запотевшее окно, за которым проплывали заснеженные дома, и думала: только бы успеть, только бы всё получилось.

Автобус остановился на нужной остановке, я вышла, обдав морозным воздухом, и быстро зашагала к салону. Снег хрустел под ногами, и каждый шаг отдавался в ушах. Парикмахерская была маленькой, уютной, с запахом профессиональной косметики и приглушённым светом. Меня встретил

мастер — высокая девушка с ярко-рыжими волосами, очень жизнерадостная.

— Что делаем?

— Хочу сногшибательную укладку, — сказала я. — Таковую, чтобы поразила каждого.

Она улыбнулась и взялась за фен.

Час пролетел незаметно. Я сидела перед зеркалом и смотрела, как мои волосы превращаются в идеальные волны. Чёлка легла ровно, концы блестели. Когда мастер закончила, я не узнала себя — будто сошла с обложки глянца.

— Ну как?

— Идеально, — выдохнула я.

После парикмахерской я поехала домой — уже на такси, потому что времени было в обрез. В машине я поправила укладку раз десять, проверила макияж в зеркальце компактной пудры. Дома меня ждала одежда, разложенная на кровати ещё с вечера: длинная юбка с высоким разрезом, открывающая ногу, тёплые колготки, ботинки на каблуке, топик с красивым вырезом и короткий пиджак. Я оделась медленно,

почти ритуально, проверяя каждую деталь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.